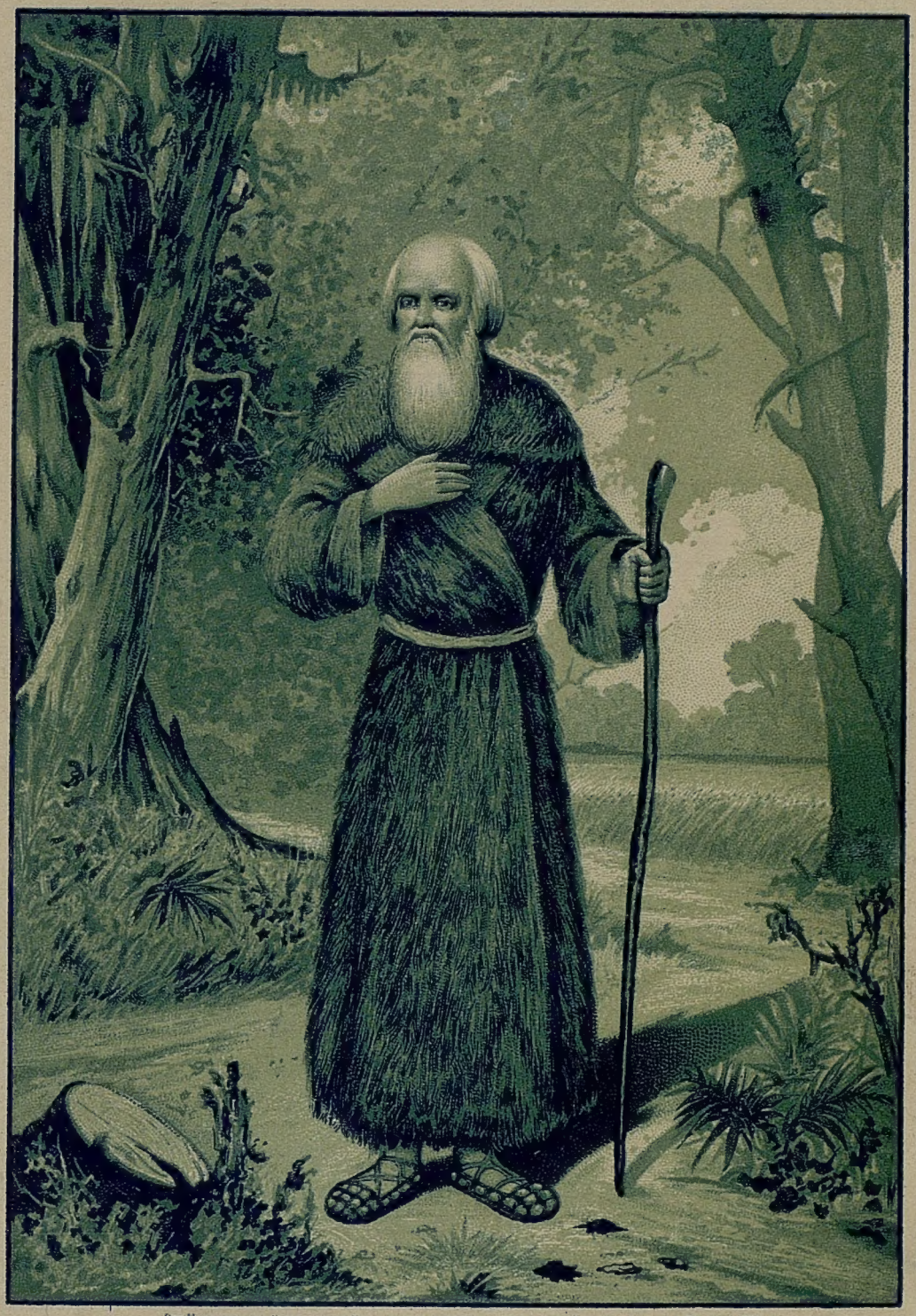
524 2/650

Ƒ 242/65

Загадочный старецъ
Ѳеодоръ Кузьмичъ



Отъ Московскаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется Москва Апрѣля 29 дня 1898 г

ЗАГАДОЧНЫЙ СТАРЕЦЪ

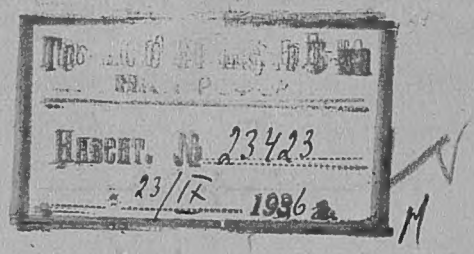
ѲЕОДОРЪ КУЗМИЧЪ,

СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ

20 января 1864 года.

МОСКВА.
Изданіе Е. И. Коноваловой.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 1 Апрѣля 1898 года.



Типо-литографія Г. И. Простакова, Петровка, д. № 17.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Старецъ Ѳеодоръ Кузмичъ жилъ въ Сибири съ осени 1836 года. Ему уже тогда было около 60-ти лѣтъ. Происхожденіе и прошлая судьба этого замѣчательнаго человѣка, почитаемаго донынѣ въ Сибири за праведнаго, неизвѣстны. Онъ скончался 20-го января 1864 года.

Свѣдѣнія объ этой загадочной личности, приводимыя далѣе въ нашей книжкѣ, мы заимствовали изъ нижеслѣдующихъ источниковъ, которые перечисляемъ здѣсь, чтобы не указывать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Вотъ они:

1) Русская старина, октябрь 1887 года.

2) Сибирскій Вѣстникъ, № 98, 1891 года.

3) Русская Старина, январь, 1892 года.

4) Русскій Листокъ, №№ 64, 73 и 77, 1898 года *).

---

*) Въ № 77 помѣщено въ статьѣ Н. Я—ва описаніе могилы старца въ ея настоящемъ видѣ.

5) „Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія, старца Ѳеодора Кузмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 года по 1864 годъ“, изд. 3, М. 1894, стр. 1—56.

На обложкѣ мы помѣстили портретъ старца въ томъ лосинномъ халатѣ, который надѣвалъ онъ на себя, выходя изъ дома.

СТАРЕЦЪ
ФЕОДОРЪ КУЗМИЧЪ

(† 20 Января 1864 года).

Лица, знавшія старца Θеодора Кузмича при его жизни, передаютъ, что скитальчество предпринято было имъ, какъ добровольный подвигъ.

Въ Сибири появился онъ съ 1837 года, будучи сосланъ на поселеніе. Объ этомъ разсказываютъ такъ:

Осенью 1836 года, къ одной изъ кузницъ, вблизи отъ города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ верхомъ высокій, плечистый старикъ лѣтъ 60-ти и попросилъ кузнеца подковать лошадь.

Кузнецъ, подковывая лошадь, обратилъ вниманіе на личность старика, хотя одѣтаго въ обыкновенную крестьянскую одежду, но ни своими мягкими манерами, ни величественнымъ видомъ непохожаго на крестьянина.

Разспрашивая его о лошади, о цѣли путешествія и проч., кузнецъ спросилъ также о его имени и званіи.

Уклончивые и неясные отвѣты старика возбудили подозрѣніе и у кузнеца, и у собравшагося около кузницы народа.

Старикъ безъ всякаго сопротивленія съ своей стороны былъ задержанъ и отправленъ въ городъ.

На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳеодоромъ Кузмичемъ, сказалъ, что лошадь принадлежитъ ему, но отъ дальнѣйшихъ показаній отказался и объявилъ себя бродягою, не помнящимъ родства.

Вслѣдствіе этого онъ былъ немедленно арестованъ, затѣмъ судимъ за бродяжничество и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а предварительно къ 20 ударамъ плетей.

Мѣстомъ поселенія ему назначена была деревня Зерцалы, Томской губерніи.

Но сначала, по прибытіи въ Сибирь, Ѳеодоръ Кузмичъ былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, находившійся въ 2-хъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи, и прожилъ тамъ около 5-ти лѣтъ не употребляемый, впрочемъ, ни на какія понудительныя работы.

Въ 1842 году житель сосѣдней Бѣлоярской

станицы, казакъ С. Н. Сидоровъ, замѣтивъ въ Ѳеодорѣ Кузмичѣ стремленіе къ одиночеству, выстроилъ около своего дома особый домикъ и предложилъ переселиться туда Ѳеодора Кузмича, который съ радостью согласился на предложеніе Сидорова.

Между тѣмъ, слава Ѳедора Кузмича начинала уже расти; всюду о немъ говорили какъ о цѣлителѣ недуговъ, о прозорливцѣ, о человѣкѣ, выдѣляющемся своимъ благочестіемъ.

Поэтому, едва Ѳеодоръ Кузмичъ успѣлъ перебраться въ Бѣлоярскую станицу, какъ къ нему стали сходиться окрестные крестьяне, упрашивавшіе его переселиться къ нимъ.

Все это не давало старцу желаннаго покоя, и онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переселился въ деревню Зерцалы, мѣсто своей приписки; здѣсь прожилъ онъ 11 лѣтъ.

Въ этотъ періодъ своего пребыванія въ Сибири Ѳеодоръ Кузмичъ иногда временно уходилъ на жительство въ сосѣднія деревни, гдѣ занимался обученіемъ дѣтей грамотѣ, а съ взрослыми велъ религіозныя бесѣды и разсказывалъ имъ о событіяхъ отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напр., говоря о войнѣ 1812 года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ сравнительно раз-

витыхъ, какъ-то: мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ. Нерѣдко старецъ Ѳеодоръ Кузмичъ гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова, и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простого рабочаго.

Проживъ въ Зерцалахъ нѣсколько лѣтъ, Ѳеодоръ Кузмичъ перебрался въ село Краснорѣченское, къ крестьянину И. Г. Латышеву, у котораго пробылъ нѣсколько лѣтъ, живя лѣтомъ въ отдѣльной избѣ, а зимой на пасѣкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго.

Относительно образа жизни Ѳеодора Кузмича всѣ свидѣтели согласно говорятъ, что она отличалась суровостью и воздержностью.

Пищу онъ принималъ самую скудную; его обѣдъ состоялъ изъ ржаныхъ сухарей, размоченныхъ въ водѣ, и печенаго картофеля. Хотя почитатели Ѳеодора Кузмича почти ежедневно приносили ему пищу, но онъ, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ самъ выражался, для „гостей“ и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Въ кельѣ его, кромѣ кровати, сдѣланной изъ двухъ деревянныхъ досокъ съ таковою же деревянною для изголовья подушкою, и двухъ или трехъ скамеекъ и неболь-

шого столика, не было никакой другой мебели. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картины религіознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію; на столѣ стояло небольшое распятіе изъ слоновой кости, чудной рѣзной работы, лежало евангеліе, псалтирь, маленькій кіево-печерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Семь словъ на крестѣ Спасителя“.

Одѣвался онъ въ длинную холщевую рубашку, подпоясанную веревочкой; а когда выходилъ изъ дома, надѣвалъ на себя такой же длинный лосинный халатъ.

Каждое воскресенье ходилъ онъ въ церковь, а послѣ обѣдни заходилъ къ двумъ старушкамъ пить чай. Въ день св. Александра Невскаго здѣсь приготовлялись для него пироги и другія яства. Весь день онъ бывалъ обыкновенно веселъ и вспоминалъ о Петербургѣ, разсказывая, какъ тамъ празднуется этотъ день.

Впрочемъ, чай, послѣ обѣдни, Ѳедоръ Кузмичъ пилъ и у другихъ лицъ, которыя приглашали его къ себѣ.

Такъ однажды 12-ти лѣтняя крестьянская дѣвочка, нынѣ вдова майора, Александра Ѳе-

дорова, пригласила его пить чай. Онъ сказалъ: пойду, пойду, панушка, къ тебѣ.

Отъ обѣдни—разсказываетъ она далѣе—я повела его къ себѣ; онъ пошелъ. Приходитъ къ намъ и говоритъ: „Миръ въ вашемъ домѣ и благодать вашему дому“. Выпилъ два стакана безъ молока чаю съ прикуской, вафлями и заварными калачами, ходя по комнатѣ, и не присѣлъ все время, пока былъ у насъ, ни на минуту. Выпивши чаю, онъ походилъ по комнатѣ. Потомъ поставили мы пирогъ съ рыбой на столъ, онъ закусилъ этого пирога, не садясь, и поблагодарилъ. Братъ просилъ его сѣсть, но онъ сказалъ: „не мнѣ на этакой мебели сидѣть, человѣкъ я грѣшный“. Потомъ, спустя немного времени, распрощался, пошелъ изъ дома и сказалъ: „кабы вы знали какой гость былъ у васъ; грѣшника да такъ уважаете; кабы знали, что такой грѣшникъ, разбойникъ былъ у васъ, такъ вы бы и въ домъ-то не приняли меня“....

Къ старцу Ѳеодору Кузмичу ходили многіе за совѣтами, иные при своей болѣзни, а иные при какихъ-либо другихъ своихъ несчастіяхъ, и старецъ принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему, надѣляя каждаго съ большою охотою своими совѣтами.

Онъ разговаривалъ съ приходившими всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по

комнатѣ, держа обыкновенно руки на бедрахъ или придерживая одною изъ нихъ грудь. Съ нѣкоторыми, особенно съ бродягами и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя.

Во время пребыванія старца Ѳеодора Кузмича у Латышева, въ селѣ Краснорѣченскомъ, имѣлъ свиданіе съ нимъ преосвященный иркутскій Аѳанасій, который долго бесѣдовалъ съ нимъ. Затѣмъ преосвященный посѣтилъ старца Ѳеодора и въ его кельѣ на пасѣкѣ; осмотрѣвъ келью, онъ и здѣсь провелъ нѣкоторое время въ бесѣдѣ съ нимъ, и на прощаньѣ со старцемъ выказалъ ему знаки своего особаго уваженія.

Разсказываютъ, что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ жилъ старецъ, проживали двое сосланныхъ придворныхъ служителей. Одинъ изъ нихъ тяжко заболѣлъ и, не имѣя возможности самъ отправиться къ старцу, упросилъ своего товарища посѣтить его.

Принятый старцемъ, онъ бросился на колѣни и съ невольнымъ страхомъ разсказалъ, въ чемъ дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его и, въ тоже время, слышитъ чудный, кроткій, знакомый ему голосъ...

Въ 1858 г. старецъ Ѳеодоръ Кузмичъ переселился къ Томскому купцу, Семену Ѳеофановичу Хромову, по его приглашенію.

Старецъ Ѳеодоръ жилъ то въ самомъ Томскѣ въ домѣ Хромова, то на заимкѣ Хромова, въ 5 — 6 верстахъ отъ Томска. Какъ здѣсь, такъ и на заимкѣ, старецъ проживалъ въ особыхъ домикахъ-кельяхъ, сохраняющихся до сихъ поръ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Жизнь старецъ велъ также крайне суровую, вполнѣ аскетическую. Въ кельяхъ его не было никакихъ удобствъ и украшеній, и вся обстановка ихъ ограничивалась, кромѣ иконъ и картинъ религіознаго содержанія, однимъ деревяннымъ столомъ со стуломъ и деревянною кроватью съ такимъ же деревяннымъ изголовьемъ.

Поселившись на житье на заимкѣ у Хромова, старецъ въ слѣдующемъ 1859 году сдѣлался очень боленъ, и Хромовъ рѣшился спросить его, не откроетъ ли о себѣ—кто онъ. „Нѣтъ“, сказалъ Федоръ Кузмичъ, „это не можетъ быть открыто никогда“, и прибавилъ, что объ этомъ его спрашивали преосвященные Иннокентій и Аѳанасій, и онъ имъ тоже сказалъ.

На предложеніе Хромова исповѣдаться и причаститься, старецъ отвѣтилъ: „на исповѣди врать нельзя, и если я совру, не открою, кто я въ дѣйствительности, то небо ужаснется. Я благодарю Царя Небеснаго: по великой Его милости вкушаю пищу“. Хромовъ не одинъ разъ слышалъ отъ старца,

что по милости Господней онъ удостоенъ трапезы Божіей.

Покойный архимандритъ Томскаго мужского монастыря Викторъ, хорошо знавшій старца Θеодора Кузмича, утвердительно говорилъ, что ему извѣстно, что духовникомъ его былъ Воскресенской церкви іерей Созуновъ. Также пріѣзжалъ на хромовскую заимку бывшій иркутскій іеромонахъ Германъ, который передъ своей кончиною говорилъ, что у него на духу бывалъ старецъ Θеодоръ Кузмичъ, о которомъ отзывался, какъ о великомъ подвижникѣ.

Въ 1863 году старецъ Θеодоръ Кузмичъ уѣзжалъ отъ Хромова и нѣкоторое время проживалъ въ Бѣлоярской станицѣ, гдѣ ему отведена была келья, въ домѣ казака Семена Николаева Сидорова.

Декабря 18 дня, того же года, Хромовъ пріѣхалъ навѣстить старца, но когда пришелъ къ нему въ келью и поздоровался съ нимъ, то старецъ заявилъ ему, что онъ не хочетъ болѣе оставаться въ домѣ Сидорова, и сталъ собираться съ нимъ въ Томскъ, будучи боленъ такъ, что былъ чуть живъ.

По пріѣздѣ въ Томскъ онъ проболѣлъ около мѣсяца. Здѣсь, еще при началѣ его болѣзни, къ нему приглашенъ былъ для напутствованія св. тайнами іеромонахъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, Рафаилъ. Нѣкто

Вознесенскій (бывшій послушникъ, а нынѣ заштатный псаломщикъ), какъ очевидецъ, разсказывалъ объ этомъ такъ: „О. Рафаилъ, взявши съ собою меня, какъ послушника монастыря, немедленно явился по приглашенію. Когда о. Рафаилъ съ дарохранительницею, требникомъ и епитрахилью вошелъ въ келью старца, я остался въ сѣнцахъ. Вскорѣ я услышалъ чтеніе о. Рафаиломъ приготовительныхъ къ исповѣди и св. причащенію молитвъ, по прочтеніи которыхъ долго ничего не было слышно; затѣмъ о. Рафаилъ, отворивши дверь въ келью, велѣлъ подать ему воды, что и было исполнено. Въ это время никого изъ постороннихъ лицъ въ кельѣ не было.“ Старецъ Ѳеодоръ, какъ убѣжденъ г. Вознесенскій, не только въ этотъ разъ, но и въ другое время исповѣдывался и пріобщался св. Таинъ у о. Рафаила.

Незадолго до кончины старца жена Хромова просила его сказать ей его настоящее имя:

— Батюшка, объяви хоть имя своего ангела!

На это онъ сказалъ:

— Это Богъ знаетъ.

Н. Я. Попова однажды спросила старца объ его родителяхъ, чтобы молиться за нихъ.

— Этого тебѣ знать нельзя, — отвѣчалъ онъ, — святая церковь за нихъ молится... Если открыть мнѣ свое имя, то меня скоро не будетъ. Если бы я жилъ при прежнихъ условіяхъ, то не достигнулъ бы долголѣтней жизни.

20 января 1864 года старецъ Ѳеодоръ Кузмичъ тихо скончался. 23 января погребеніе его совершено было со всею торжественностію.

Заупокойную литургію и отпѣваніе совершилъ архимандритъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря Викторъ, въ сослуженіи городского Томскаго духовенства, въ присутствіи властей и множества народа, и при отпѣваніи архимандритъ сказалъ слово, посвященное подвижничеству старца и его странствованію.

Похороненъ старецъ въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго мужского монастыря, гдѣ надъ его могилою стоитъ крестъ съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло великаго и благословеннаго старца Ѳеодора Кузмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года“.

Въ № 77 Русскаго Листка, отъ 18 марта 1898 года, помѣщена статья Н. Я—ва, который такъ описываетъ теперешній видъ могилы старца Ѳеодора Кузмича:

„Могила обнесена желѣзною рѣшеткою и

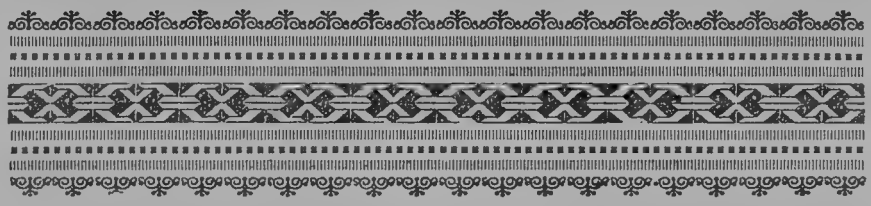
закрыта сверху желѣзною крышею, на подобіе балдахина. Подъ этимъ балдахиномъ въ изголовьи небольшаго холмика могилки высится бѣлый деревянный большой крестъ со скатами на верху. На крестѣ надпись печатнымъ шрифтомъ:

СТАРЕЦЪ

Ѳеодоръ Кузмичъ

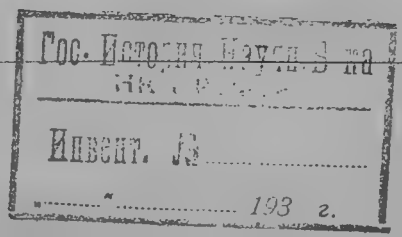
скончался 20 января 1864 года.

Но сквозь свѣжую, плохо наложенную бѣлую краску ясно видны слѣды прежней надписи на крестѣ“.



Послѣ старца не осталось никакихъ записокъ; найдено только нѣсколько клочковъ бумаги, со строками, написанными по-славянски, по-русски и частью какимъ-то шифромъ, содержаніе которыхъ не разгадано. По смерти старца всѣ вещи были потребованы въ Петербургъ и затѣмъ возвращены Хромову.

Кромѣ того, послѣ Ѳеодора Кузмича осталось распятіе изъ слоновой кости и псалтирь, на которомъ сдѣлана слѣдующая надпись:



„Сей псалтирь принадлежитъ Саранской Петропавловской обители рясофорному монаху Алексѣю Золотареву.“

Въ Сибири ходитъ много разсказовъ объ удивительной прозорливости старца Ѳеодора Кузмича. Такъ разсказываютъ, что однажды бывшій за сборомъ подаянія изъ Аѳона іеромонахъ Израиль пожелалъ увидѣть старца; онъ былъ у Латышева на Красной рѣчкѣ, и это было ночью. Іеромонахъ пришелъ въ комнату старца, помолился Богу, и сталъ здороваться. Старецъ, сидя на лежанкѣ, сказалъ: „здравствуй, отецъ Израиль!“ тогда какъ онъ и не слыхалъ ранѣе ни о немъ, ни о его пріѣздѣ. Побесѣдовавъ со старцемъ, о. Израиль вышелъ отъ него съ рыданіями, разсказывая потомъ, что, несмотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни.

Разъ зимою у старца Ѳеодора на заимкѣ вышли дрова. Онъ послалъ къ купцу Хромову одного изъ рабочихъ, бывшихъ на заимкѣ, просить о присылкѣ ему дровъ. Хромовъ сказалъ посланному, что дрова будутъ сейчасъ доставлены и приказалъ одному изъ работниковъ отвезти старцу дрова. Но работнику не хотѣлось ѣхать на заимку, и онъ,

накладывая дрова на дровни, въ досадѣ нѣсколько разъ выругался, обозвавъ при томъ заочно и старца, къ которому волею-неволею надо было везти дрова, неприличными словами.

Когда затѣмъ дрова были работникомъ доставлены старцу, послѣдній сказалъ:

„Спасибо! но дровъ теперь мнѣ не нужно.“

„Какъ не нужно! да вы же просили прислать ихъ?“ замѣтилъ привезшій дрова работникъ.

„Отъ тебя дровъ не возьму“, отвѣчалъ старецъ: „ты съ неохотой везъ ихъ мнѣ, употреблялъ ругательства, когда накладывалъ дрова, да и меня при этомъ обругалъ ни за что, ни про что худыми словами.“

И старецъ передалъ изумленному работнику дословно все то, что онъ говорилъ передъ отъѣздомъ къ нему.

Сознавая свою вину, работникъ палъ на колѣни и испросилъ у старца прощеніе.

Въ другой разъ въ Зерцалахъ поселился какой-то бродяга, сосланный сюда на житье. Онъ пришелъ къ старцу какъ бы познакомиться съ нимъ. Но старецъ, у котораго въ это время было нѣсколько зерцаловскихъ крестьянъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ на религіозную тему, какъ только вошелъ этотъ ссыльный, всталъ и сказалъ:

— Иди, иди отсюда!

Ссыльный изумился; изумились и бывшіе въ избѣ Ѳеодора Кузмича, не понимая, почему онъ гонитъ этого человѣка, не отказывая вообще никому въ пріемѣ. Но старецъ тотчасъ же сказалъ:

„Уходи, уходи! У тебя руки въ крови... Свой грѣхъ другому отдалъ...“

Ссыльный побѣлѣлъ, какъ полотно и торопливо вышелъ изъ избы, а потомъ черезъ два дня ушелъ въ Томскъ, гдѣ принесъ повинную начальству, что онъ не тотъ, за кого себя выдалъ, что онъ промышлялъ разбоемъ, долженъ былъ итти въ каторгу, но перемѣнился именемъ съ однимъ сосланнымъ на поселеніе за бродяжничество, что на душѣ у него до десяти убійствъ...

Заслуживаетъ также вниманія слѣдующій случай, разсказанной Хромовымъ.

Никто и никогда не видалъ, чтобы старецъ при жизни умывался, а только раза два въ годъ обмывалъ себѣ ноги; но однажды старецъ пришелъ къ бочкѣ съ водою и просилъ жену Хромова, чтобы она лила ему на голову воду, что было для нея и мужа слишкомъ удивительно. И что-же оказалось? Въ этотъ день былъ большой пожаръ въ Петербургѣ на Апраксинскомъ дворѣ, и старецъ, провидѣвши здѣсь, какъ-бы заливалъ пожаръ на себѣ.

Кончина Ѳеодора Кузмича вызвала всеобщее сожалѣніе. За его гробомъ шли несмѣтныя толпы народа,—и память о немъ до сихъ поръ живетъ среди жителей Томска и окрестныхъ селъ и заводовъ.

Тайной покрыта была вся жизнь и личность этого замѣчательнаго старца, и эту тайну онъ унесъ съ собой въ могилу.

Въ Томскѣ до сихъ поръ цѣла келья Ѳеодора Кузмича, въ бывшемъ владѣніи Хромова,—деревянная, съ двухскатною деревянною крышею изба, почернѣвшая отъ вре-

мени, съ навѣсомъ надъ входными дверями, и двумя оконцами со ставнями. Надъ нею на средства г. Галкина-Врасскаго устроенъ навѣсъ въ видѣ двухскатной крыши на столбахъ.

Келья состоитъ изъ маленькихъ сѣней и чистой комнаты въ сажень длиной. Въ ней провелъ послѣднія шесть лѣтъ жизни и умеръ старецъ.

Однимъ высокопоставленнымъ лицомъ пожертвована солидная сумма на устройство рядомъ съ кельею трехпрестольнаго храма...